

Антон Порядин

ЛЕСТНИЦА

В НЕБО СОН

Роман

БЕАТРИЧЕ

Рассказ

ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ

Интересное время

Антон Порядин

Лестница в небо. Сон Беатриче

«ВЕБКНИГА»

2020, 2021

Порядин А. Е.

Лестница в небо. Сон Беатриче / А. Е. Порядин —
«ВЕБКНИГА», 2020, 2021 — (Интересное время)

ISBN 978-5-9691-2244-4

Вам никогда не хотелось прожить жизнь заново или сделать в ней что-то иначе? Войти в другую дверь? Заняться другой профессией? А может просто выбрать пункт назначения, как приходится делать бегущему из Москвы российскому бизнесмену? И тогда жизнь сложилась бы по-другому. Или нет? Роман «Лестница в небо» полон полифонии – его действие начинается в сегодняшней Москве, потом возвращается в Петербург начала 90-х, и далее смонтированные как кадры фильма главы переносят читателя то в Нью-Йорк 11 сентября 2001 года, то в столкнувшийся с эпидемией ковида-19 Милан, то в Нижний Новгород, то в Америку будущего. На этом фоне причудливо переплелись пути героев: двух друзей и партнеров по бизнесу, балерины Мариинского театра, итальянского священника, морского капитана с Аляски... «Лестница в небо» – не только занимательная история с непредсказуемыми сюжетными ходами, но и попытка автора затронуть вечные «неудобные» вопросы: о ценности в бизнесе и в жизни, о любви и мужской дружбе, о страхе и смерти. И, конечно, о выборе или его иллюзии.

ISBN 978-5-9691-2244-4

© Порядин А. Е., 2020, 2021
© ВЕБКНИГА, 2020, 2021

Содержание

Лестница в небо	8
Москва, 5 мая 2019 года	8
Майами-Бич, 5 мая 2019 года	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Антон Порядин

Лестница в небо. Сон Беатриче

© Порядин А. Е., 2022

© «Время», 2022

* * *

Антон Порядин

ЛЕСТНИЦА

В НЕБО СОН

Роман

БЕАТРИЧЕ

Рассказ

Лестница в небо

*So come, my friends, be not afraid
We are so lightly here.
This is in love that we are made;
In love we disappear.*

Leonard Cohen, Boogie Street¹

Москва, 5 мая 2019 года

Я просыпаюсь... Сквозь полузакрытые веки, еще не в реальности, но уже и не во сне, я вижу, как утренний свет сочится сквозь белесые жалюзи, наполняет собой комнату, и в нем плавают одинокие предметы, как обломки кораблекрушения в океане. Потом из этого тумана постепенно проступают знакомые очертания – в детстве мы с отцом так проявляли фотографии в ванной при красном свете. Кругом тишина и свет, он струится сквозь тишину, и мне хочется про все забыть и вечно плыть в безмолвии, и тогда я вспоминаю только что виденный сон, пока его еще можно успеть вспомнить. Мы с отцом молча идем по мелкой протоке вдоль волжского плеса, мне шестнадцать лет и отец еще молод, в сетке бьется только что пойманная рыба, и рассветное солнце отбрасывает наши длинные тени. Никого нет, только солнце, низкий песчаный берег, в протоке сильное течение, вода струится вокруг моих ног, и мы молча идем с отцом все дальше и дальше, и в эту тишину вдруг врывается мелодия телефонного звонка – я машинально потягиваю руку и беру телефон.

– Андрюша, здравствуй, не разбудила? – Я слышу голос мамы.

– Нет, мама, – говорю я и понимаю, что голос звучит предательски сонно. – Наоборот, мне давно уже пора вставать, хоть и воскресенье.

– Я тебе звоню вот почему... Ты помнишь, что сегодня годовщина со дня смерти папы?

– Помню, – отвечаю. Сейчас опять начнется: почему же ты тогда не приехал, а он всегда так тебя любил. Собираюсь с силами, чтобы делать вид, что слушаю.

– Я так странно себя чувствую, – продолжает мама. – Знаешь, мне недавно снился сон, будто ты маленький и я тебя качаю, убаюкиваю, а на стене висит коврик, красный такой, и на нем черный волк. А в открытом окне два фонаря освещают огромный портрет Сталина на доме напротив. Тут я поняла, что это моя комната, из моего детства, мы тогда жили на Обводном канале и окна выходили на Варшавский вокзал. Мне давно уже не снилось детство... Так странно, вот я и решила тебе позвонить.

Я молча слушаю все это, потом отвечаю:

– Ну хорошо. Ты правильно сделала, что позвонила. Послушай, мам, мне надо будет уехать. Из Москвы и из страны, возможно. Это ненадолго, все успокоится, и я вернусь. Ты только не волнуйся, я буду в порядке и о тебе обязательно позабочусь.

На той стороне молчание, но недолгое.

– Я понимаю, – наконец говорит мама. – Это из-за завода, да?

– Из-за разных обстоятельств. Все будет хорошо, но сейчас мне лучше не быть в Москве.

– Ты только обязательно давай о себе знать, – вздыхает мама, как будто я уезжаю в турпоездку со школой.

– Да, мама, – успокаиваю я. – Конечно. Куда же я денусь. – И заканчиваю разговор.

¹ Вперед, смелей, друзья мои, / Нам так легко здесь быть, / В любви на свет приходим мы, / В любви нам уходить.
Леонард Коэн, Буги-стрит.

Я стою во вполне предсказуемой пробке на Тверской, перед выездом на Пушкинскую площадь, только ее длина сегодня оказалась непредсказуемой, поток машин – от самого Охотного Ряда. Странно, учитывая то, что сегодня воскресенье и середина майских праздников. Наверное, пропускают какую-нибудь важную персону. Я ненавижу этих персон, этот город, эту улицу, вначале, во время первых моих приездов, похожую на главный проезд на ярмарке с киосками и назойливо кричащей рекламой, а после реконструкции последних лет напоминающую мемориальное кладбище. Вся Москва стала напоминать теперь мемориальное кладбище – чистое и неживое, быть главным проездом на ярмарке шло Тверской гораздо больше, хоть естественность какая-то была. Убогий город, убогая страна. Я в жизни совершил две ошибки: родился в России и вернулся сюда снова – зачем?! Не будет здесь ничего – никогда и ни у кого не будет, только тюрьма или бедность, а скорее всего, и то и другое вместе – бедность, подыхающая в тюрьме. Народ, который знает только силу и палку, который порождает только страх и ненависть, мне их совершенно не жалко, это было само все заслужило, а мне нужно отсюда только валить поскорей.

Ловлю себя на том, что взгляд лихорадочно высматривает что-то в зеркале заднего вида. Да, так и есть – два черных «Форда-Мондео» по бокам и чуть позади, любимая машина этих уродов из Следственного комитета или ФСБ. Может, это и совпадение, а если нет? Это так просто – на Пушкинской площади всегда наряд полиции торчит, перекроют движение, «Форды-Мондео» включают мигалки, и мой побег закончится, не успев начаться. Еще какую-нибудь статью напечатают: «Фигурант громкого дела пытался бежать, несмотря на подписку о невыезде». И подзаголовок типа «нечего миндальничать с коррупционерами», теперь такое в тренде. Володю жалко – если мой побег удастся, ему тоже достанется – за нас обоих. Ладно, неважно, сейчас не о нем надо думать.

Какое сегодня небо – ясное и глубокое весеннее небо, без единого облачка, расстилается впереди над Тверской. Наверное, впервые над Москвой такое небо, или я не видел его раньше, сидя дома взаперти, или просто не смотрел вверх. И первые запахи весны – даже на забитой машинами улице чувствуется ошеломляющая свежесть весенних запахов. Обидно будет, если все мои начинания бесславно закончатся в такой замечательный день. Похожее небо было в Нью-Йорке 11 сентября, и тогда тоже все говорили: какой погожий день! От этой мысли холодок пробегает по спине. Что за чертовщина, говорю себе, не нужно отвлекаться, так любая мелочь может помешать.

Поток начинает двигаться вперед на подъем, видимо там загорелся зеленым невидимый светофор. Я жму на газ, и «мерседес» срывается с места, я обхожу одну машину, другую, это, по-моему, называется «игра в шашечки», Californian style driving², запрещено, а плевать, как говорили раньше – повесить могут только один раз. Вылетаю на Пушкинскую площадь, патруль полиции в самом деле есть, но очень занят проверкой документов какого-то грузовичка и не обращает на меня внимания, передо мной пустая Тверская, и я выжимаю «тапку в пол», чтобы оторваться от этих «фордов-мондео», и сбрасываю газ, только когда оказываюсь далеко впереди. Проносится отель «Интерконтиненталь», когда-то известный как гостиница «Минск», «Марриотт», нелепо переделанная Триумфальная площадь с громоздкими качелями, строящийся «Фэрмонт», как хорошо, что уже очень скоро я не увижу этой безвкусицы, одна волна зеленого сменяет другую, «мерседес» мчится, не останавливаясь, по пустой Тверской, вон из города, в аэропорт, на перекрестке с площадью Тверской Заставы тоже горит зеленый, и я подбавляю газу, только что это – улицу переходит группа школьников, здесь же нельзя – им красный свет, и вообще есть подземный переход, откуда они вообще, черт возьми, взялись, и я понимаю, что не успеваю затормозить, но все уже перебежали, а последняя девочка, что же она

² Калифорнийский стиль вождения (англ.).

зазевалась? Ее лицо заполняет пространство, оно такое огромное, я могу рассмотреть каждую деталь – копна светлых волос, веснушки на щеках, раскрытые от ужаса серые глаза, она стоит и не может двинуться прямо передо мной, и все происходит как в замедленной съемке – визжат тормоза, я выворачиваю руль, и «мерседес» въезжает в рекламный стенд.

Удар не такой уж и сильный, но подушки безопасности срабатывают и отбрасывают меня назад. Я ничего не вижу, рука находит застежку ремня, я его отстегиваю, другой рукой нащупываю ручку и открываю дверь. Школьников уже нет, убежали, да и вообще были ли они, но лицо девочки продолжает стоять у меня перед глазами – значит, да, были. Только аварии мне сейчас и не хватало, чтобы полиция, свидетели... Конечно, уже начали собираться любопытные, не каждый день на Тверской среди бела дня «мерседесы» в рекламные стенды въезжают. «Вам помочь? – говорит кто-то. – Вам больно?» – «Нет, – говорю громко, даже почти кричу, – я в порядке, отойдите, пожалуйста!» Багажник срабатывает со второго раза, я достаю оттуда сумку на колесиках, закрываю его, он не закрывается, черт с ним, так и оставляю открытым, ныряю в подземный переход и бегу к Белорусскому вокзалу. Жаль, конечно, «мерседес», но он все равно бы мне не понадобился, с вещами нужно расставаться легко, если все получится, я смогу купить себе сорок «мерседесов». Выбежав из подземного перехода, бросаю взгляд на другую сторону Тверской. Люди стоят около машины, но больше никого – ни полиции, ни «фордов-мондео», может мне показалось тогда, в пробке? Бегу через площадь к вокзалу – еще одно мемориальное кладбище с постоянно пустым трамваем и памятником «пролетарскому писателю», но скоро все это останется в прошлом. Снова вспоминаются огромные серые глаза той девочки и веснушки на лице, и я мотаю головой, чтобы избавиться от наваждения.

Пытаюсь купить билет на аэроэкспресс в автомате, меня трясет всего, как будто бы озноб, кругом ходят охранники и бросают на меня внимательные взгляды. Я вставляю кредитную карточку, карточка не вставляется, потому что дрожат руки, и ПИН-код тоже не набрать, я стараюсь успокоиться и ровно дышать. Наконец – ура, есть билет, выхватываю его из автомата, пробегаю сквозь турникеты, кричу «извините, на самолет опаздываю», впрыгиваю в поезд – и через минуту он отходит. «Неужели получилось? – думаю я, тяжело дыша. – Первый этап, конечно, но ведь получился же». За окнами медленно проплывает Белорусский вокзал, потом Савеловский, и аэроэкспресс набирает скорость.

Запыхавшись, вбегаю в здание терминала. Разгар майских праздников и очереди нет, все или уже уехали, или еще не приехали, я проскакиваю под рамку металлоискателя... Сколько раз я проходил сквозь эти двери и не думал, что придется так... эвакуироваться. Можно было, конечно, купить билет заранее через интернет, но эти уроды тут же все засекали бы, они отслеживают любую транзакцию, нет, нельзя оставлять никаких следов, поэтому придется импровизировать. Первое, что я вижу, – это огромное табло. Посмотрим. Ну вот на букву М – Майами, звучит как ловушка, конечно, вся ФСБ аэропорта там-то меня и будет ждать, зная про жену. Что еще? Минск. А вот это неплохой вариант. Я направляюсь к кассе, перед кассой тоже никого, кассирша с русской косой, похожая на сибирячку, таких раньше снимали в фильмах про деревню, лениво глядя в монитор, и говорит с простецким выговором: «В Минск на сегодня нет билетов, мужчина. На завтра брать будете?» Я оборачиваюсь и снова затравленно смотрю на табло, что там еще есть? А вот, Мурманск – тоже неплохо, там меня точно никто искать не станет, поживу месяца три, как раз скоро лето, а Норвегия рядом, да и здесь, может быть, все забудется. «Скажите, а в Мурманск еще есть билеты?» – спрашиваю ее. «Билеты есть, но регистрация закончилась, – отвечает кассирша. – Раньше надо было приезжать», – и меня снова передергивает от того, как она растягивает слова. «Быстрее, быстрее, быстрее», – пульсирует в голове. На табло меняется картинка и выскакивает строчка – Милан. Идеальное место, никто там меня искать не будет, Швейцария рядом, как я раньше об этом не подумал, есть риск, что

задержат на границе, но оно того стоит. «В Милан», – говорю ей и достаю американский паспорт. Здесь-то он поможет, а на паспортном контроле придется рискнуть.

Я тащусь к паспортному контролю на чужих ватных ногах. В голове пустота, и в пустоте слышатся удары пульса, по ним можно камертон настраивать. Как я ненавижу этот момент прохода пограничного контроля в России, всегда сидел подспудный страх, что меня остановят, не пустят, какое-то необъяснимое экзистенциальное давление на мою свободу. Когда-то, в начале девяностых, меня обыскивали на таможне перед отправкой парома в Хельсинки, и я помню, как это было унижительно и неприятно, плюс ужас, что тебя не выпустят. Тогда у меня нашли и отобрали сто незадекларированных финских марок, и все, но страх остался, превратился в фобию, даже и сейчас эта фобия имеет все основания материализоваться. Я подхожу к окошку, молча протягиваю паспорт. Пограничник – молоденькая девушка восточной внешности с обгрызенными ногтями – кладет его на сканер, вот сейчас-то все и закончится, весна закончится, пустота забивает мне уши, и я не слышу, что она мне говорит. «Что?» – переспрашиваю. «Цель поездки, – говорит девушка, – деловая или туризм?», а я все не могу оторвать взгляда от ее пальцев с обгрызенными ногтями, которыми она держит мой паспорт. «Деловая», – отвечаю глухим, не своим голосом, и вижу, как она пролистывает страницы паспорта и ставит долгожданный штамп. Неужели получилось? Я иду дальше по коридору, сам не веря своей удаче, – неужели это все, я на свободе и Москва скоро останется в прошлом, как ночной кошмар? Надо же, как это у них системы друг с другом не синхронизированы – или меня не внесли еще? Все равно – какая удача, какая неслыханная удача!

Я не иду в бизнес-зал, чем меньше обо мне будут знать, тем лучше, просто стою в широком коридоре и смотрю в окно на самолеты, они движутся по летному полю, как символы свободы, свобода так близко, я вижу, как она подруливает к трапу, нужно сделать последний шаг. На недавно безупречно ясном небе набухает грозовая туча с темными рваными краями и, похоже, движется прямо на нас. Милан, почему именно Милан? Я там не был много лет. Надо бы хоть Франческо написать. Вспоминается, как мы идем с Мариной и Франческо по ночному Милану во время нашего свадебного путешествия, темно, мы обходим припаркованные машины, лужи, и Франческо, с которым я за полгода до этого познакомился в университете по обмену, аккуратно и педантично предупреждает: «Attenzione – l'acqua»³. Вытаскиваю телефон, чтобы написать сообщение Франческо, и вижу среди входящих сообщение от Карена: «Funds are in place. EOM»⁴. И в самом деле, больше никакого содержания, да и не нужно.

Вот и все, думаю я, закрылась глава. По-видимому, я теперь богат. Наконец-то я использовал свой шанс. Двадцать лет – да какое, почти тридцать – я безуспешно пытался схватить удачу, а она все ускользала и ускользала, думал, все уже, это и в самом деле был мой последний шанс. Все, не будет больше этих поездок в Нижний, этих застолий с чинушами, ожидания, что за тобой придут. Я богат и скоро буду в цивилизованном мире, и там все начнется по-новому. Володю жалко, слабо стучится бессознательная мысль, но затухает, как неверно взятая нота. Я смотрю на самолеты и пытаюсь осознать, что это значит, что я богат, и снова наваливается пустота, и в этой пустоте приходит воспоминание из детства, очень далекого, мне лет шесть, что ли... Было лето, мы с мамой пошли в кафе, мама купила мне бутерброд с красной икрой, а я его уронил. «Пойдем, – сказала мама. – У меня больше нет денег». И я видел, как в ее красивых чуть припухших глазах стояли слезинки. У меня всегда будут деньги, решил я для себя тогда. И вот сейчас их в самом деле много, столько, что я даже не понимаю, что это такое. Знаю только, что начинается новая глава, и для того, чтобы она началась, старая должна закрыться.

И снова эта девочка, школьница из сегодняшнего утра, светлые волосы, рассыпавшиеся по плечам, огромные серые глаза, смотрящие со смесью удивления и ужаса, веснушки, сколько

³ Осторожно – вода (*итал.*).

⁴ Деньги на месте. Конец сообщения (*англ.*).

ей лет... десять, одиннадцать максимум. У меня могла бы быть такая дочка, приходит мысль, – мама говорила, у меня в детстве были светлые волосы и веснушки, она еще и подшучивала: «Андрюшка, смой свои веснушки». Надеюсь, у девочки все хорошо, она дома. Конечно же, она ничего не расскажет родителям, но никогда больше не будет переходить Тверскую на красный свет. И любую другую улицу. Я пытаюсь представить эту девочку своей дочкой, не складывается, образ ломается и не собирается снова. Наверное, чтобы представить ее дочкой, я должен иметь собственную дочку, иначе как это – представлять то, чего не знаешь? Нужно позвонить Марине, почему-то проскакивает мысль. Когда я ей звонил в последний раз? Два, нет, три года назад. Смотрю на часы, ну нет, у них глубокая ночь, потом как-нибудь, да и что я ей скажу?

Очень хочется выпить, жутко хочется выпить и забыться до самого Милана, чтобы быстрее все закончилось. По-видимому, то же желание испытывает страус, пряча голову в песок. Я подхожу к единственному питейному заведению – пивному бару, спрашиваю барменшу, такую тупенькую блондиночку с челкой, как меня бесят эти тупые взгляды, за последнее время, мне кажется, вся страна отупела, и спрашиваю: «Можно бокал вина?» – «Это пивной бар, – говорит тупая барменша, и я понимаю, что так же мне мог бы ответить робот, только дружелюбнее, – здесь не наливают вино, где это вы такое видели?» – «Во всем мире видел», – зло говорю я, разворачиваюсь и выхожу.

Наконец объявляют посадку, я прохожу одним из первых этот последний рубеж контроля, показываю американский паспорт, и здесь все проходит гладко, как странно – хваленая система ФСБ и так ошибается? Радоваться будем, когда взлетим, думаю я и прохожу в бизнес-класс. «Два просекко, – говорю стюардессе, не оборачиваясь. – И еще белое вино, пожалуйста». Выпиваю, но облегчения не наступает, только свинцовая усталость начинает давить на глаза. Прошу еще вина. В иллюминатор видно, как грозовая туча, еще недавно двигавшаяся в сторону аэропорта, изменила траекторию и висит теперь на западе, в стороне Зеленограда, по направлению взлета – наверное, там гроза. Самолет заводит двигатели и начинает медленно катиться по дорожке. Неужели действительно все?..

Вино делает свое дело, пружина отпускает, я где-то читал, что опьянение прежде всего снимает страх, я и в самом деле перестаю бояться, и сквозь уже тронувшую сознание пелену начинает звучать музыка, я узнаю ее, когда-то мы с Мариной танцевали под нее на свадьбе одни в доме Державина, и дом напоминал пароход, он взламывал очертания набережной и плыл по Фонтанке вниз, в вечность под звон колоколов Никольского собора, все дальше и дальше, палубу качало, или это я качался от счастья, но зачем она вспомнилась здесь, зачем она мне сейчас...

*Une vie d'amour
Que l'on s'était jurée
Et que le temps a désarticulée
Jour après jour
Blesse mes pensées...⁵*

Самолет вырывается на взлетную полосу, начинает разбег, двигатели режут перед взлетом... быстро проносятся мимо соседние самолеты, внезапно ставшее игрушечным здание аэропорта – и мы взлетаем. Мне всегда нравился момент взлета: сверху увеличивается угол зрения, и ты можешь видеть будущее – события, которые для наблюдателя на земле еще не наступили. Вот, например, под нами садится самолет, но как-то криво, подпрыгивает неуклюже, как сломанная заводная игрушка, потом снова падает, скользит по полосе и загорается

⁵ Жизнь любви, Которой мы присягнули И которую разрушило время, День за днем Ранит мой разум (фр.). Песня «Une Vie d'Amour» в исполнении Шарля Азнавура.

огненной вспышкой в районе хвоста. Я сплю, думается мне, я уже сплю, и это какой-то ужасный сон, а наш самолет гудит и стремится вверх, в безоблачное небо, и скоро внизу уже ничего не различимо. Я проваливаюсь в ночь.

*Une vie d'amour
Remplie de rires clairs
Un seul chemin
Déchirant nos enfers
Allant plus loin
Que la nuit
La nuit des nuits...⁶*

⁶ Жизнь любви Полная светлого смеха, Единственный путь, Прорывающий наш ад, Ведущий дальше, чем ночь, Ночь ночей (фр.).

Майами-Бич, 5 мая 2019 года

Damn it!⁷ Я просыпаюсь, словно от удара электрошокером, и первое, что вижу, – это электронный будильник. На часах 4:30 утра. Here we go again⁸ – сон без снов, шок и 4:30 на часах. Словно у меня внутри внутренний будильник, и странный часовщик настроил пружину исключительно на это время. В комнате темно, за окном темно, над океаном темно, во всем мире темным-темно и очень одиноко, я вжимаюсь в кровать, но темнота не отпускает. Река темноты выходит из берегов ночи, тащит меня за собой, и мне совершенно не за что ухватиться, хоть кричи. Потом она отступает. В темной спальне чуть слышно жужжит кондиционер, и кажется, что время закончилось – однородность пространства останавливает время. Иногда мне и вправду хочется, чтобы оно закончилось. Проходят дни, года, кто-то, может быть, и переживает по этому поводу, а я, наоборот – радуюсь каждому прошедшему дню, в их убыстряющейся мелодии я вижу красоту танца, наверное, можно было бы поставить какой-нибудь балет в этом роде, но не с американскими же коровами! Ну я ладно, я несправедлива, есть хорошие девочки, но в Академии в Ленинграде они были гораздо лучше.

Я нащупываю рукой пульт и включаю телевизор, огромный, в полстены, раньше в Ленинграде такими были картины в профессорских квартирах, они висели в золоченых рамках и внушали благоговение. У моей подружки Маруси была в доме такая картина – голубая вода в лагуне, корабли перед заполненной народом площадью, белые купола церквей с двух сторон. «Что это?» – спросила я в первый раз, когда пришла к Марусе домой на улицу Халтурина⁹. «Как? Ты не знаешь?» – удивленно, даже возмущаясь моему невежеству, спросила Маруся – это Венеция. А художника зовут Каналетто». – «Да нет, же, Марусенька, – поправил ее дедушка-профессор, – Каналетто был бы давно реквизирован советской властью, это другой художник, наш, советский, но он рисует в стиле Каналетто...» А вот как звали художника, я и не запомнила.

Телевизор включается на моей любимой программе ТСМ¹⁰, где показывают старые, часто даже черно-белые фильмы и шоу, а иногда балет, я люблю их смотреть – мне кажется, я окунаюсь в параллельный поток времени, текущий на другой скорости по сравнению с настоящим, и уже неважно, куда и как несутся дни. Матьё и Азнавур поют в старом шоу, где на заднем плане возвышается искусственная арка, а над ней цифры «1981», новогодний концерт, что-то типа «Голубого огонька», по-видимому:

*Une vie d'amour
Que l'on s'était jurée
Et que le temps a désarticulée
Jour après jour
Blesse mes pensées...*

Где-то я это уже слышала, у меня профессиональная память на мелодии, сейчас для этого используют приложение в телефоне, а я все и так помню. Ну конечно, под эту музыку мы танцевали с Андреем на свадьбе в доме Державина на Фонтанке, играл оркестр, и кто-то крикнул: «А теперь пусть молодые танцуют одни», и мы танцевали в полумраке, бальный зал дома Дер-

⁷ Черт! (англ.)

⁸ И вот опять (англ.)

⁹ Теперь (и ранее) Миллионная улица.

¹⁰ Turner Classic Movies.

жавина напоминал театральную сцену, мы танцевали одни на этой сцене, и я была так счастлива, так счастлива...

Я не хочу ничего вспоминать, но эта мелодия... она невольно отматывает ленту все дальше и дальше к началу, where do I begin¹¹? Я вспоминаю коммунальную квартиру, в которой родилась и прожила все детство, казалось, закрою глаза – и смогу описать нашу комнату до мельчайших деталей, например: какие были цвета корешков у книг на полках, выщербленные ступеньки лестницы в парадном, рисунок проводов, сползающих вниз по стене к выключателю. Окна выходили на железнодорожные пути Московского вокзала, я с детства привыкла к стуку колес, поезда шли на малой скорости, потом, переехав через мост у Обводного канала, набирали темп, словно адажио переходило в анданте. Зимой музыка колес слышалась особенно четко, мороз усиливал звуки, и это была целая симфония: поезд неуверенно нащупывал фарами пространство, как зверь, сделавший из клетки первые шаги и еще не привыкший к воле, отблески фар плясали на потолке удивительными сполохами света и теней и стук колес нарастал crescendo... *На озаренный потолок – Ложились тени – Скрещенья рук, скрещенья ног – Судьбы скрещенья...* От поездов веяло дорогой, странствиями, городами у синего моря в стране Дельфинии, как в сказке, вместо серого Ленинграда, надеждами на новую жизнь и новое счастье, анданте колес нарастало, потом затухало за мостом через Обводный канал, и на этом фоне я не чувствовала убогости нашего дома и коммунальной квартиры. Иногда мне казалось, что музыка проходит сквозь дом, сквозь меня, и все тело покрывалось мурашками, и сердце начинало биться чаще, и я придумывала танец... мне было лет пять, шесть может быть, танец захлестывал меня, и я чуть не плакала от счастья.

А потом я первый раз попала на балет, мне было уже лет семь или восемь. Папе на работе дали два билета в Кировский театр, они должны были идти с мамой, но мама задержалась на работе, и папа взял меня. Конечно же, я помню, что это был за балет – это было «Лебединое озеро». Я сидела и думала – это для меня, там должна быть я, и танцевала на обратном пути перед папой в пустом садике за оградой у Никольского собора, пока мы шли на троллейбус. А еще в антракте мы зашли в сувенирный магазин, и там продавались маленькие балеринки. «Папа, купи мне пожалуйста, – стала упрашивать я. – Вот эта – такая красивая! Или эта?» – «Нет, – сказал папа, – ты что? Она стоит два рубля, мы не можем себе этого позволить». Я так умоляла, я так выпрашивала, и что мне больше никаких других игрушек не надо, и что я могу в школе не сдавать по рублю в неделю на завтраки, а брать бутерброды из дома, и целовала папу, и гладила его небритые щеки – он купил, конечно, и мрачно сказал: «Мама нас убьет». Эта балеринка в белой пачке, в первой позиции, я таскала ее всю жизнь, она и сейчас со мной, в комодке, под зеркалом, мой талисман.

Я просто заболела балетом и упростила маму отдать меня в студию при Дворце пионеров на Фонтанке. Меня попросили раздеться, долго осматривали, «как лошадь на базаре», неудачно пошутил папа, потом суровая преподавательница сказала маме, а я услышала: «У нее физические данные вроде есть, но вы, гражданка, опоздали – ей уже восемь лет, какой там балет, поздно уже. В четыре года надо начинать было, в Академию она никогда не поступит». – «В какую Академию?» – спросила я маму. «Ну есть такая – Академия имени Вагановой, там готовят балерин для Кировского театра». – «Я хочу туда, – сказала я. – Я никуда больше не хочу, только туда». – «Ну хорошо, – сказала мама. – Если хочешь, то надо попробовать. У тебя есть целый год, готовься, может и получится поступить».

Ну и началась подготовка, я ходила в школу... и все равно что не ходила, школьное время проносилось в параллельном мире, оно заканчивалось, и тогда начинался мир настоящий. Я ехала в троллейбусе по Невскому, и в голове проносились все движения, я как бы проживала их еще до зала. Мама упростила преподавательницу давать мне частные уроки, и когда все

¹¹ где мне начать? (англ.)

девочки уходили, мы оставались одни в зале, под потолком горели лампы и освещали зеркала, и мы были вдвоем, а точнее втроем – еще с нами был балет. Потом снова троллейбус, где я, полуживая, дремала, пытаюсь не проспять свою остановку «Площадь Восстания», потом к половине десятого я приходила домой и принималась за уроки, но ненадолго, глаза слипались, мама отводила меня, полусонную, к кровати и заводила будильник на пять утра, чтобы я утром все доделала. Папа вздыхал и отсчитывал полтора рубля за дополнительное занятие. Так прошел год. И вот весной, в конце мая, мы пошли на экзамен в Академию. Я помню, что светило яркое солнце, весна сменялась на лето, папа надел костюм и галстук, но родителей все равно дальше входа не пустили. Я тут же влюбилась в это здание на улице Зодчего Росси, мне казалось, оно чрезвычайно гармонично подходит Академии балета, вся улица была так классически правильно построена, как продуманная партия. Потом нас снова куда-то отвели с другими девочками, снова попросили раздеться до трусиков, у меня даже щеки сводило от страха, а потом все закончилось. Женщина за столом, вся в черном и с заколотыми в пучок волосами, похожая на грациозную паучиху, погладила меня по голове и сказала: «Очень жаль, милочка, но без шансов. С твоими-то физическими данными... Тебя просто поздно отдали в балет. Плохой шаг, выворотность недостаточная». Через пять минут я снова стояла у крыльца. Двери открылись и закрылись, но я уже успела полюбить Академию – уже запомнила запах старого дерева в ее коридорах, и он манил меня, мне снова хотелось туда, туда, туда! «Я буду поступать еще раз, – сказала я маме. – А потом еще раз, пока не поступлю!»

Год и три месяца спустя я стояла в «первом зале низ» Академии на празднике Первого сентября и рассказывала стихи, которые специально сочинил папа, он же был профессиональным поэтом в конце концов. Они начинались так: «Балет, история, рассказанная в танце...», а дальше я не помню, надо было записать. И в сборнике не найдешь, его почти не печатали, только переводы. Да и неважно, уже столько лет прошло, а я по-прежнему считаю, что балет – это способ рассказывать красивые истории. Мы живем и нашей жизнью рассказываем истории, только в балете они получаются красивее. Балет берет все безобразие, весь ужас мира и выплескивает его на сцену в красивом танце, и тогда жизнь не кажется такой ущербной и напрасной. Наверное, в этом-то и состоит предназначение искусства. Кто так говорил? Вольтер? *Le secret des arts est de corriger la nature*¹².

Потом потянулись занятия. Первая зима выдалась мерзлой, и в коридорах и в залах Академии было ужасно холодно. Я-то еще приходила из дома, а девочки, которые жили в общежитии, рассказывали, что по утрам в кружках замерзает вода. Многие болели, а долго болеть было нельзя, иначе отчисление, все приходило с температурой и заражали других, эта зима плыла мутным маревом из сменяющих друг друга жара и озноба. Из старых подруг только Маруся не бросила, забегала из школы иногда, но страшно было не это, а то, что новые подруги не появлялись – Академия оказалась не сильно щедрой на дружеские чувства, наоборот, кругом все друг другу завидовали, делали мелкие гадости, у меня постоянно воровали бутерброды, которые мне давали с собой родители, а я им не могла об этом сказать и ложилась спать голодной, ужина было мало. Постоянно хотелось есть, тело вытягивалось в струнку и наполнялось воздухом, но не пело, или пело не так, как надо. В этом-то и была проблема – я начинала ненавидеть свое тело, настолько оно было несовершенно: в сердце играла музыка, в голове мне рисовался совершенный танец, одно движение, потом плие, потом проход, *battement tendu*, *temps levé sauté*, *pas assemblé*¹³, и голову выше, а тело все смазывало, было как плохо пошитое платье, не слушалось, сковывало, все выходило не так, и я плакала по ночам, не от болезни, не от голода, а от того, что никак не могла укротить свое тело. По утрам я ехала на троллейбусе по темному Невскому и думала – ну вот сейчас, ну вот сегодня я смогу, я буду как Уланова или

¹² Секрет искусства – исправлять природу (*фр.*).

¹³ Базовые упражнения классического танца.

даже лучше, а потом вбегала в балетный зал и снова, снова все выходило не так. У нас была одна преподавательница, Зинаида Альбертовна, молодая еще, все девочки ее очень любили, и я в том числе, она как-то посмотрела на мои потуги, а мне так хотелось, чтобы именно перед ней у меня все получилось, я так старалась и все равно все было неверно, тело не позволяло, оно было как сковавший меня кокон. Зинаида Альбертовна посмотрела на меня, погладила по голове и сказала: «Не волнуйся, милочка. Это марафон, а не спринт. У тебя обязательно все получится». И правда, в третьем классе я поняла, что могу подчинить себе тело, это я командовала им, а не наоборот, я контролировала то, что и как оно делает, а чего не делает, и тогда наконец-то пришла уверенность.

В четвертом классе я попрощалась с комнатой на углу Транспортного переулка и Днепропетровской улицы. Папа все писал в Литфонд и в Союз писателей об улучшении жилищных условий, ему постоянно предлагали квартиры в новостройках, и он так же постоянно гордо от них отказывался. «Я петербуржец в третьем поколении, – говорил он, – и в новостройках жить не буду!» Мама вздыхала, качала головой и молчала, а я тоже не хотела в новостройки, – как бы я тогда ездила в Академию?.. Наконец ему предложили квартиру на Красной¹⁴ улице – это был первый этаж, с видом во двор, по-видимому кусок бывшей дворницкой господского дома, но это была настоящая двухкомнатная квартира и вся – наша. Стоял конец сентября, уже вовсю падали листья и пахло холодом, грузчики выносили мебель и заталкивали в огромную фуру, матерясь и сморкаясь, а я прошла мимо них к путям железной дороги. У меня не было ни грусти, ни сожаления, я уже выросла и привыкла и к сполохам фар на потолке, и к crescendo, к тому же я все время жутко уставала и засыпала, едва коснувшись подушки, я просто хотела сказать им «до свидания». Так же, как и пассажиры в поезде, я ехала на новое место, туда, за счастьем. Я прошла через дырку в заборе и перебралась через пути, на которых стоял брошенный товарный вагон. Пахло характерным железистым запахом рельсов. От платформы Московского вокзала отчаливал пассажирский: ленто, потом набирающее силу адажио. Он шел прямо передо мной, на вагонах было написано «Ленинград – Адлер», мне было уже пятнадцать лет, и я прекрасно знала, где Адлер – там, где зеленое море и страна Дельфиния. За занавесками можно было различить лица пассажиров, только-только распрощавшихся с провожающими и по инерции прилипших к окнам. И почему-то я невольно подняла руку и замала им, поезд ехал медленно, я махала долго-долго, и некоторые пассажиры тоже махали мне в ответ, мы прощались друг с другом и с комнатой в коммуналке на углу Транспортного и Днепропетровской, и с той полосой жизни, которая называется детством. Потом поезд вильнул последним вагоном и начал набирать скорость за Обводным каналом.

Как-то воскресным летним утром, я помню – в воскресенье, потому что в Академии не было занятий и я спала до двенадцати, выйдя к завтраку, я увидела за столом молодого человека, который с удовольствием поедал мамин пирог и запивал его, прихлебывая, чаем, а рядом суетились мама и папа, подкладывая ему еще куски пирога. Мне бросились в глаза его спортивные, как у артистов балета, плечи, жилистая фигура, узкое лицо со слегка выступающими монгольскими скулами и ежиком подстриженные волосы. «Что это за красавчик?» – подумала я. – «Привет, сестренка! – дружелюбно сказал он, взглянув на меня глазами, в которых светились веселые и прятались шаловливые искорки. – Я твой брат. Да не бойсь, троюродный. Приехал из Тамбова поступать в ваш Финэк. Перекантуюсь тут у вас, пока на абитуре комната не освободится».

Так в моей жизни появился Сева. Он в самом деле пробыл у нас только два дня, потом забрал свой чемоданчик и переехал в общежитие, где жили абитуриенты. Сева был вроде меда-

¹⁴ Теперь (и ранее) Галерная улица.

листом, так что сдавать ему нужно было всего один экзамен, что он и проделал блестяще. Мы редко потом встречались, у него была своя жизнь, у меня своя, я заканчивала последние курсы Академии и мечтала о распределении в Кировский театр, сначала он часто приходил в гости на всякие праздники, потом все реже и реже. И может потому, что видела Севу нечасто, я не могла не удивляться происходящим с ним переменам. Сева приобретал столичный лоск: куда-то ушли простонародные словечки и прихлебывание, появилась осанка, веселые глаза по-прежнему стреляли шаловливыми искорками, но без тени провинциального смущения, а самое главное – кузен одевался модно, лучше многих знакомых мне ленинградцев, курил сигареты Marlboro и Camel, в то время как папа жаловался, что уже и банальные болгарские «Родопи» достать нельзя. «Откуда, Всеволод?» – спросил как-то папа, после того как Сева подарил ему очередную пачку Marlboro, вытащив из нее для себя одну сигарету, и сам стушевался от своей бестактности, но Сева невозмутимо сверкнул веселыми глазами и сказал: «Ну что вы, Александр Викторович, ни в чем себе не отказывайте! У меня еще много». И всем очень захотелось Севе поверить, а еще – сделать для него что-нибудь хорошее.

Потом время стало нестись очень быстро. Страна поменяла имя, город поменял имя и, главное, театр тоже поменял имя, стал называться Мариинским. Да, как-то так получилось, что я уже там танцевала в кордебалете. От Красной, а теперь Галерной улицы до театра ходила пешком, город был очень грязный, стены домов словно готовы были обрушиться под собственной тяжестью, а на площади Труда ветер тащил пыль и бумагу, какие-то листовки или рекламные объявления, и вокруг было много, ну очень много нищих. Это смотрелось ужасным диссонансом – высокое искусство, которым я занималась, которым дышала в театре, и дорога от театра до дома, напичканная внезапно появившимися и потому еще более гротескными уродствами жизни. Ко всему прочему, у нас стало очень плохо с деньгами, папины переводы оказались больше не нужны, а его собственные стихи никуда не брали, «не было бренда», как папа говорил, стараясь звучать современно, маме же постоянно задерживали зарплату и фактически мы жили только на то, что мне платили в театре. Я старалась быть максимально *in demand*, в смысле задействованной во всех спектаклях, это ведь были деньги, и на эти деньги могла существовать семья. Папа, конечно, отнекивался, не брал, но потом говорил: «Ну в какие бизнесмены я пойду в шестьдесят лет!» (я была поздним ребенком) и, смущаясь, клал деньги в стол. А на площади Труда летом ветер все кружил вихри из пыли и бумаги, а зимой чавкала грязь, было очень много грязи, снег не чистил никто, и голубей в те годы почему-то тоже было много, как и нищих. Вечерами в свете фонарей фасады дворцов казались покрытыми пылью и их хотелось почистить щеткой.

Стояла весна 1993 года, в преддверии Восьмого марта к нам, как ни странно, заглянул Сева – поздравить маму. Мне кажется, он до этого год не объявлялся. На нем было длинно-полое пальто из светло-бежевой верблюжьей шерсти с отворотами и черные широкие брюки, прикрывающие модные ботинки, я такой наряд только в фильмах про гангстеров видела. Он подарил маме букет мимозы, потом оглядел нашу обстановку, вытащил из внутреннего кармана пальто толстую пачку денег и, не считая, отдал папе. «Возьмите, Александр Викторович, – сказал он. – Потом отдадите, я не обедею. А ты, – и он сверкнул в мою сторону веселыми глазами, – погнажи с нами Восьмое марта справлять? Спектакля сегодня ведь нет небось? Я тебя с друзьями познакомлю, у нас веселая компания». Зная Севу, в этом я не сомневалась... и спектакля в самом деле не было. «Иди, Мариночка, – сказал папа, – хоть отвлечешься от своего театра».

Через двор, на Галерной, стоял спортивный «опель». Сева открыл пассажирскую дверь и пригласил меня садиться. «Твой, что ли?» – недоверчиво сказала я. «Мой, – улыбнулся Сева, – неделю назад из Германии пригнал. – Зверь просто! Смотри, сейчас как рванем». Мы понеслись по Конногвардейскому теперь уже бульвару и выехали на набережную Невы около Медного Всадника. Движение было совсем свободное, и Севин «опель» несся, опережая поток и

обдавая другие автомобили мартовской грязью из-под колес. «Классная машина, – говорил Сева. – Представляешь себе, что ты будто по Майами-Бич мчишься, на Оушен драйв, мимо пальм». – «А это где?» – спросила я. «Ну и глупенькая же у меня сестренка, – весело покачал головой Сева. – Это в Штатах, во Флориде, самый классный город на земле. У меня мечта туда попасть». Затем мы свернули с набережной на Халтурина, теперь Миллионную, я вспомнила Марусю, мы уже так давно с ней не общались, и выехали на набережную Мойки, почти напротив Дома-музея Пушкина.

– Знаешь, кто в этом доме живет? – спросил Сева, махнув на сероватое раннесталинское здание через Зимнюю Канавку, и, не дождавшись ответа, сказал: – Собчак¹⁵. А здесь, – и он махнул на старинный трехэтажный зеленоватый особняк, – я живу!

– Твоя квартира здесь? – удивилась я.

– Ну не моя еще, – сказал он. – Снимаю. Но надеюсь когда-нибудь купить.

Севина квартира очень напоминала профессорскую квартиру Марусиного дедушки – такие же огромные потолки, такой же запах старины вокруг, только если квартира Марусинога дедушки была завалена книгами, квартира Севы была абсолютно пуста. Было еще одно отличие – квартира Севы состояла из одной комнаты, фактически огромной залы, в дальнем углу которой притулилось нечто вроде кухни и стоящих рядом с ней стола и дивана, где сидела Севина компания. «Ну да, – сказал Сева, подводя меня к столу, – здесь когда-то был бальный зал, а потом из него сделали квартиру. Сто двадцать метров, представляешь? Знакомьтесь, – сказал он наконец, представляя меня, – моя сестренка. А это Андрей, мой друг по институту, а вот Наташа и Володя».

Так и я и познакомилась с Андреем. Он выделялся в этой компании, не остроумием, нет, здесь Севе не было равных, он был как бы из другого мира, где нет нищих и голубей, на нем был, теперь уже трудно вспомнить, серый в рисунок свитер, заправленный по тогдашней моде в брюки, не карикатурно широкие, как у Севы, а более элегантные, что ли, и от всего его облика, от светлых, прядями спадающих на лоб волос, от крупных черт лица, как у римского философа из учебника истории, веяло загадочностью и породой. «Такие раньше были принцы», – почему-то подумала я. Третий парень, Володя, выглядел более низким и плотным, похожим на гриб-боровик, а девушка Наташа, насколько я поняла, была Севиной подругой, но я ее внешность совсем не запомнила. Володя играл на гитаре, все пели незнакомые мне песни, а потом переключились с песен на стихи, и Андрей читал Бродского:

*Когда снег замечает море и скрип сосны
оставляет в воздухе след глубже, чем санный полоз,
до какой синевы могут дойти глаза? до какой тишины
может упасть безучастный голос?*

Стихи звучали в пустом бальном зале и плыли под потолком, как удары колокола в пустом храме – мерно и раскатисто, и мне казалось, это и есть гармония – как будто танцуешь испанский танец из «Дон Кихота» и у тебя все получается, твое тело трансформирует музыку и рассказывает историю. И все-таки что-то надломленное ощущалось в Андрее, ну не был он идеальным принцем, я понимала, какая-то расстроенная струна вибрировала не в такт и приближала его к настоящему, и из-за этого он мне показался особенно близок. За мной, конечно, ухаживали молодые люди, но они были все из балета, я знала балетный мир, и они мне скоро становились неинтересны, а тут я смотрела на Андрея во все глаза и видела мир надломленных принцев, он меня одновременно пугал и завораживал. Ребята пили коньяк, а мы с Наташей – Amaretto di Saronno, в то время самый популярный у девушек напиток. Время было уже

¹⁵ Мэр Санкт-Петербурга в 1991–1996 годах.

глубоко за полночь, папа беспокоился, наверное, и я сказала, что пойду. Сева геройски встал, сказал «я отвезу», потом качнулся и осел на диван, ну и тут Андрей, конечно, сказал: «Пойдем, я тебя провожу. Я живу недалеко от Галерной».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.